

Очень точной представляется формулировка **научной проблемы**, в которой автобиографизм рассматривается как феномен, в каком-то смысле ключевой для «нового реализма», позволяющий не только охарактеризовать специфику «протогероя», но и раскрыть «динамику жанрово-стилистических исканий» (С.7). Убедительным и концептуально оправданным представляется разведение категорий автобиографизма и автопсихологизма, позволяющее диссертанту наметить свой взгляд на материал и обозначить перспективный вектор исследования «нового реализма». **Актуальность и научная новизна** диссертации Людмилы Сергеевны Янковской в этом смысле несомненны: автор убедительно показывает важность взаимосвязей fiction и non-fiction в современной прозе и справедливо связывает их художественную трактовку с субъектной сферой текста, с выстраиванием отношений «автор» - «герой».

Во *Введении* формулируются основные параметры исследования, обосновывается актуальность темы, новизна подхода, обозначаются цель и задачи исследования. Характер задач определяет структуру работы, состоящей из трех глав, введения, заключения и списка литературы.

В первой главе *«К вопросу авторского присутствия в художественном повествовании: автобиографизм или автопсихологизм»*, предлагая содержательный обзор наиболее репрезентативных позиций, исследователь выбирает из обширного круга тот набор идей, который будет «работать» на раскрытие нового материала. Самое продуктивное и ценное здесь – это содержательное размежевание автобиографизма и автопсихологизма. Указывая, что «автобиографизм в художественной прозе сигнализирует об опоре автора на «фактуальность» своей жизни, о достоверности вымышленного сюжета», соискатель отмечает, что наряду с ним правомерно говорить об иной форме создания достоверности, когда «приоритетным становится не <...> совпадение реальной биографии автора и его героя, а их внутреннее психологическое родство» (С. 33, 37).

Этот вывод, как показывает дальнейшая работа с текстами, позволяет исследователю заметно точнее, чем предшественникам, охарактеризовать принципы построения прилепинской прозы, объяснить системные связи между ее текстовыми уровнями. Однако совершенной четкости добиться все же не вполне удастся. Этому препятствует неопределенность категориального статуса «автопсихологизма». Можно предположить, что переход от концепции Магдалены Медарич к концепции Лидии Гинзбург оказался не вполне отрефлексированным. Вернее, незамеченным остался переход от одного предмета анализа (игра в «автора-как-героя» у Медарич) к другому (создание особого типа психологизма у Гинзбург).

Очевиднее всего это в автореферате. В положении 2 сказано, что автопсихологизм – это *прием* («Автопсихологизм как некое психологическое родство автора и героя <...> становится доминирующим приемом в творчестве писателя», С.6). В положении 3 это уже «*способ саморефлексии*» (там же) или «особый вид исторической рефлексии» (С.17). В положении 4 речь идет о «*стратегии психологизма*». На С. 10 автореферата автопсихологизм – это «и тип психологизма, и тип повествования». На С. 16 речь идет о «*приемах автопсихологизации*» (во множественном числе), которые обнаруживаются на языковом, стилистическом и композиционном уровнях. Вопрос: как психологизм может быть сразу и феноменом формы, и принципом, характеризующим авторское самосознание, «приемом» и «стратегией», приемом и рядом приемов? Это элемент поэтики или эстетики? Он в тексте или за текстом?

И еще один вопрос. Какой логикой руководствовался соискатель, включая в первое вынесенное на защиту положение формулы, не предполагающие научной дискуссии? Да, «проблема автобиографизма характеризуется многоаспектностью»; да, в науке есть «различные технологии реконструкции автобиографического начала» (С. 6). Но это априори исследования, его предпосылки, а не выводы. Что именно в этой части работы предполагается защищать?

Вторая глава, «*Романная проза Захара Прилепина как “самоучитель психологических ситуаций”*», обладает наибольшей оригинальностью и научной цельностью. Это целостное, убедительное исследование персонажной сферы прозы З. Прилепина и связанных с ней принципов творческой переработки фактологического материала, универсализации жизненного опыта. В этой части работы С.Л. Янковская показывает себя вдумчивым и исследователем, способным и к тонким наблюдениям, и к значимым историко-литературным обобщениям.

Важнейшее научное достижение соискателя в этой части работы – обоснование взгляда на прилепинских героев как принципиально нецелостных: «В разных условиях, в разных «пропорциях» главные герои прилепинских романов наги перед действительностью. <...> Каждому из них недостает некоего существенного элемента, способного создать впечатление целостной, завершенной личности» (С. 100-101). Это характерологическое обобщение значимо не только для понимания законов прилепинской прозы, но и для осмысления принципов построения образа героя в современной реалистической прозе. Вполне доказанным представляется и вывод соискателя о моделирующей роли вымышленного сюжета, неизменно воспринимаемого читателем на фоне «автопсихологических» деклараций: «Прописывая сюжетную линию для каждого из своих героев, писатель словно проходит их жизненные пути вместе с ними, желая показать самому себе те границы, за которые человеку заходить не следует» (С. 101). Идея «прогностического автопсихологизма» обладает высокой научной продуктивностью и может быть применена к широкому кругу текстов «нового реализма».

В то же время исследовательская увлеченность С.Л. Янковской в отдельных случаях приводит к абсолютизации избранной исследовательской «оптики», к стремлению объяснить в ее терминах решительно все художественные особенности прилепинской прозы.

Впрочем, aberrаций такого рода в работе немного, и высокое научное качество работы они не снижают.

Так, поспешным кажется вывод о близости прилепинской прозы к устройству лирического текста на том только основании, что в последнем герой воспринимает мир прежде всего аффективно и телесно: «Художественное устройство «Патологий» во многом напоминает лирический текст – все происходящее с героем воспринимается читателем так, словно «слышится» и «чувствуется» им самим. <...> в романе словно действует лирический герой <...> Да и в целом военный опыт передан автором своему герою в первую очередь, на эмоциональном, психофизиологическом уровне...» (С. 47).

Если у читателя возникает соблазн отождествить себя с героем, то благодаря чему и в каких пределах это возможно? Каковы «автопсихологические» инструменты этой операции? И еще. Разве «патологии» героя одноименного романа объясняются лишь «сверхдинамикой переживаний»? Ведь не о простой чувствительности здесь речь.

Помимо этого, разговор о герое, который ведется на страницах диссертации, вызывает еще один вопрос. Нужна ли типология прилепинских героев? Это один и тот же характер или это разные характеры? Если разные, то есть ли различия в способах реализации «автопсихологизма»?

В третьей главе *«Черты автопсихологизма в биографических исследованиях Захара Прилепина»* исследователь с избранного им ракурса характеризует нонфикшн писателя. Следует отдать должное исследовательской смелости соискателя, взявшегося за столь обширный и пестрый материал. Это, конечно, задача для отдельного исследования – тем более, что в формулировке цели работы речь идет о раскрытии автопсихологизма только в «художественном мире прозы», что делает

разговор об интервью Прилепина и его писательских биографиях в общем-то факультативным дополнением к сказанному.

Но нельзя не констатировать очевидное: исследователю удалось сделать квалифицированный и обстоятельный обзор саморефлексивных и автоописательных интенций этой части прилепинского литературного проекта, восстановить логику писательской самопрезентации и самоистолкования. Это несомненное и заметное научное достижение соискателя. Тезис о том, что «комплекс включенных в текст биографического описания оценочных суждений» в какой-то мере «раскрывает личность биографа» (С.118), представляется хорошо обоснованным и позволяет по-новому прочитать прилепинских «Непохожих поэтов» и его книгу о Л. Леонове.

Однако и в этой части работы есть положения, которые кажутся спрямленными. Если Прилепин в «Именинах сердца», как отмечает С.Л. Янковская, беседует только с теми, кто вызывает его личный интерес, то что же тут специфически «автопсихологического»? Разве не так выстраивается любая серия художнических портретов? В книге интервью с современными поэтами Л. Горалик (2013, 2017) действует та же логика субъективного отбора, но разве она автопсихологична? А недавняя книга бесед с современными композиторами Д. Бавильского (2014)? Возможно, здесь требуются более осторожные формулировки.

Отметим, что высказанные замечания не умаляют значения диссертации, носят частный характер и не влияют на общую положительную оценку работы, которая является заметным вкладом в осмысление «нового реализма».

В *Заключении* обобщены выводы по диссертационной работе, отмечена связь автопсихологизма с эстетическими установками Захара Прилепина, с новым пониманием связей текстового и внетекстового, с установкой на эффект достоверности.

Автореферат диссертации и публикации (14 печатных работ, в том числе 3 – в изданиях из списка, рекомендованного ВАК РФ) адекватно и в полном объеме отражают ее содержание. Работа прошла убедительную апробацию на всероссийских и международных научных конференциях.

Теоретическая значимость работы связана с разноплановой характеристикой автопсихологизма как специфического феномена современной прозы.

Практическая значимость диссертации состоит в том, что ее материалы могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы новейшего времени, а также в практике школьного образования.

Сказанное позволяет заключить, что диссертация «Автопсихологизм героя в прозе Захара Прилепина» представляет собой законченную научно-квалификационную работу, в которой решена актуальная для современного литературоведения задача анализа художественной прозы Захара Прилепина сквозь призму автопсихологизма, что намечает новые перспективы исследования творческих стратегий «нового реализма», а также позволяет уточнить принципы построения персонажной сферы в современной прозе.

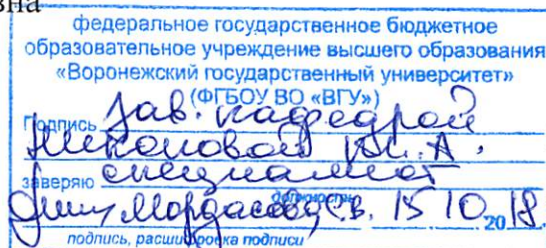
Диссертация соответствует требованиям, изложенным в п.9-14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842 (в ред. Постановлений Правительства РФ от 21.04.2016 N 335, от 02.08.2016 N 748, от 29.05.2017 N 650, от 28.08.2017 N 1024, от 01.10.2018 N 1168), а ее автор, Янковская Людмила Сергеевна, заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература, доцентом, доцентом кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора ФГБОУ ВО

«Воронежский государственный университет» **Житеневым Александром Анатольевичем.**

Отзыв о диссертации обсужден и утвержден на заседании кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и фольклора Воронежского государственного университета от 15 октября 2018 г., протокол № 3.

Зав. кафедрой русской литературы
XX и XXI веков, теории литературы
и фольклора ФГБОУ ВО
«Воронежский государственный
университет», доктор
филологических наук, профессор
Никонова Тамара Александровна

Контактная информация:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Воронежский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ВГУ») 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, 1
Телефон: +7 (473) 220-89-41
E-mail: nikonova@phil.vsu.ru
Сайт: www.vsu.ru